

Л.М.Старикова*

**Фёдор Григорьевич Волков:
от легенды — к факту,
от факта — к гипотезе**

Статья посвящена исследованию жизни и творчества «первого русского актера» Ф.Г.Волкова и процесса формирования русского профессионального театра в середине XVIII в., которым автор занимается в течение почти четверти века. Автор подробно описывает свою систему поиска новых документальных материалов, метод их исследования и делится последними находками в этой области, комментируя их значимость и пригодность для дальнейшего развития научной театроведческой мысли.

Серьезную научно-исследовательскую деятельность я начала с изучения биографии Федора Григорьевича Волкова. Итогом ее стала кандидатская диссертация «Проблема фактологического изучения жизни и творчества Ф.Г.Волкова и русского театра его времени», защищенная в Институте искусствознания в 1986 г. Тогда мне удалось сделать довольно много документальных открытий [1]. Однако вопросов, загадок, непроверенных слухов и туманных легенд, связанных с жизнью «первого русского актера» и национального театра периода его формирования, оставалось еще очень много.

Теперь, чтобы добыть что-то новое, еще неизвестное историкам, предстояло заниматься скрупулезной (почти ювелирной) работой часто с мельчайшими фактами и документальными штрихами, иногда помогающими восстановить отдельные неизвестные доселе эпизоды жизни и творчества Ф.Г.Волкова, иногда позволяющими лишь выдвинуть новую гипотезу, подтвердить или отвергнуть которую еще предстоит в дальнейшем (может быть, уже не мне), но способствующую движению исследовательской мысли. И главное — нужно было найти новые пути, новые «маршруты» архивных поисков, отказавшись не только от «проезжих» и «изъезженных» документальных дорог (и не только «чужих», но и своих) — нужно было искать незнакомые проулки и укромные архивные закоулки.

Начнем с самого начала — с рождения будущего великого русского актера Ф.Г.Волкова. До некоторого времени дата рождения Федора Григорьевича оставалась для историков известной и незыблемой. Ее назвал Н.И.Новиков в его первой биографии, опубликованной в 1772 г. [2], а раньше один из ближайших друзей актера Евграф Чемесов поместил под портретом Ф.Г.Волкова (рис. 1), гравированным им с оригинала А.П.Лосенко: «Родился 1729 г. февраля 9 дня» (ст.ст. — Л.С.). Когда же в 1953 г. вышел в свет сборник документов «Ф.Г.Волков и русский театр его времени», в нем оказалась «Выдержка из переписной книги 2-й ревизии населения г. Костромы и Костромского уезда» [3], где в «ревизских сказках» 1744 г. Федору Волкову записано 16 лет. Через четверть века, в 1978 г. в газете «Литературная Россия» был опубликован еще один вновь обнару-

* Старикова Людмила Михайловна — доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Государственного института искусствознания РАН, руководитель проекта «Ф.Г.Волков. От легенды к факту» (03-04-00022а).

женный документ — «Доношение Ярославского Магистрата в канцелярию ревизии переписи мужеска полу душ», в котором от 15 июня 1745 г. сообщались «лета пасынков Полушкина», и Федор Волков считался «семнатицати лет» [4]. Следовательно, годом его рождения оказывался 1728-й.

Занявшись изучением биографии Федора Волкова (примерно с 1979 г.), я размышляла о произошедшей передатировке. Логике противоречило то, что ближайший друг Федора Григорьевича (Евграф Чемесов), вероятно, неоднократно отмечавший с ним день его рождения, вряд ли мог ошибиться и неправильно записать хорошо известную и дорогую ему дату. Однако нужны были документальные доказательства, и после нескольких своих удачных находок (в том числе подлинной метрики о рождении И.А.Дмитревского в архиве г. Ростова Ярославского) меня «осенило»: нужно искать подлинную метрику о рождении Ф.Г.Волкова в архиве Консistorии г. Костромы. Чтобы прийти к такому простому и естественному (как мне теперь кажется) выводу, потребовалось несколько лет архивной работы, принесшей исследовательский опыт.

Поехав в Кострому, я предполагала найти в архиве не только метрику о рождении Федора, но, может быть, и метрическую запись о смерти его отца (с указанием причины смерти) и еще какие-то факты, относящиеся к его семье. Но когда в августе 1982 г. я уже совсем собралась в поездку, пришла весть, что Костромской архив сгорел (он находился тогда в здании бывшей церкви).

Рис. 1. Портрет Ф.Г.Волкова. Гравюра Е.П.Чемесова с оригинала А.П.Лосенко

Пришлось заняться поисками истины документально-косвенным путем. В архиве Ростовской Консистории удалось найти погодные «Исповедные росписи» церкви Николая Чудотворца, «что словет на деине», или как позже ее стали называть «Николо-Надеенский», в приходе которой жила в Ярославле семья Волковых-Полушкиных. В «Росписях» обязательно указывались «лета» исповедавшихся. Среди них — вся семья, включая «Игнатия Федорова сына Полушкина» — общего ребенка Ф.В.Полушкина (отчима Ф.Волкова) и Матрены Яковлевны (его матери). Игнатий родился, как следует из обнаруженной подлинной метрической записи, 13 декабря 1740 г. [5]. В «Исповедной росписи» 1744 г. Игнатию записано 4 года [6]. Составлялись «Росписи» в «святую четыредесятницу», т.е. в сорок дней Великого поста, приходившегося обычно на февраль-март. Тогда в феврале-марте 1744 г. Игнатию исполнилось уже 3 года и пошел 4-й. Из многих документов и мемуаров XVIII в. видно, что часто писали и говорили не сколько лет исполнилось, а который год «пошел». Следовательно, в упоминающихся документах (на основании которых появилась передатировка года рождения Ф.Г.Волкова) в 1744 г. ему «пошел» 16-й, а было 15; в 1745 г. — ему «пошел» 17-й, а было 16. Значит, год его рождения — 1729-й.

Прошло 20 лет и выяснилось, что в Костромском архиве сгорело не все. Недавно мне удалось посмотреть в Архиве уцелевшие от пожара описи всех хранившихся там ранее документов. Оказалось, что необходимых сведений там вовсе не было, так как архив Костромской Консистории (ф. 130) систематически начал формироваться с более поздних лет.

Однако кое-что из Костромского архива «выудить» все-таки удалось. В фонде советского исследователя, краеведа Е.В.Кудряшова (ф. 513) оказались выписки из дел Костромского архива, сделанные им до пожара, в 1970-е гг.* В частности, документы, касающиеся домов, принадлежавших в XVIII в. членам рода Волковых: Ивану и Илье Дмитриевичам, проживавшим в Костроме: «1793 года, Иван Дмитриев сын Волков, 2-й гильдии купец, здешней старожил и родившейся в здешнем городе, от роду ему 64 года; брат его родной Илья Дмитриев Волков же, 52-х лет, также старожил и родившейся в Костроме» [7]. Они имели в Костроме полотняный завод и три лавки, «живут в здешнем городе, а на время отъезжают для производства купецкой комерции к Санкт-петербургскому порту» [8].

Что могут дать нам эти сведения? Какие-то купцы Иван да Илья Дмитриевичи? Но Волковы же! А это зацепка для очередного архивного «странствия», ниточка для архивного «пути».

Одним из принципов успешной работы на исследовательском поприще является периодическое возвращение к уже изученным, известным (своим и «чужим», т.е. открытым другими историками) документам: накапливающийся исследовательский архивный опыт постепенно прибавляет и знаний, и интуиции, позволяющих «вычитывать» новую информацию из давно известных слов и фактов.

Вернувшись к упоминавшейся уже «Выдержке из переписной книги 2-й ревизии населения г. Костромы», опубликованной полвека назад, удалось найти

* Копии этих материалов автору предоставила вдова Е.В.Кудряшова, за что автор выражает ей благодарность.

в ней среди перечня семейства Волковых имена этих самых Ивана и Ильи Дмитриевых детей.

Многие историки разных поколений силились дать ответ на вопрос: каким образом, как и почему ярославский купчик стал выдающимся профессиональным русским актером тогда, когда наш национальный театр еще только зарождался в столицах? Где и чему учился (или мог учиться) Ф.Г.Волков вообще и где, когда, под влиянием кого и чего у него зародилось пристрастие, а затем и страсть к театру, ставшая главным делом его жизни, круто изменившая его судьбу (казалось бы, уже определенную его происхождением)?

Первые биографы Волкова Я.Штелин и Н.И.Новиков подчеркивают, что его интерес к театру был разбужен знакомством в Петербурге с иностранными актерами (только Новиков относит это к 1746 г. и отмечает знакомство Федора Григорьевича с артистами «Императорского», т.е. придворного итальянского театра [9], а Штелин пишет, что «он примерно в 1748 г. познакомился в Петербурге с Аккерманом, Сколяри и Гильфердингом» [10] — актерами «вольного» немецкого театра).

Прочитированные выше сведения Костромского архива (см. сн. 8 и 9) подтверждают, что купеческая семья Волковых была связана с Петербургом и, стало быть, поездки Федора в Северную столицу в 1740-е гг. «для некоторых дел по его промыслу» (как сообщал Н.И.Новиков) являлись вполне вероятными.

В газете «Санкт-Петербургские ведомости» за 1748 г. было обнаружено любопытное объявление: «№ 64, во вторник, августа 9 дня. Сего месяца 11 числа поутру в 11 часу, по определению Магистратской конторы на Васильевском острове в новопостроенном рынке, две порожняя лавки купцов Ивана Волкова и Григорья Чернова чрез аукциониста Меллера проданы быть имеют» [11]. (Очень может быть, что это и был тот самый Иван Дмитриевич Волков, родственник и одногодка Федора Волкова? Правда, для подтверждения нужны еще факты, но есть перспектива и направление дальнейших исследований.) Кроме того, в Петербурге находились, вероятно, и родственники отчима Ф.Волкова — купцы Полушкины, причем прибывшие именно из Ярославского уезда [12], и это тоже «зацепка» для исследования, которое может дать неожиданные результаты.

С другой стороны, документально известно, что Ф.Г.Волков с 1741 по 1748 г. «находился в Москве в науках» [13]. Первые его биографы — и Штелин, и Новиков — указав на Москву, не конкретизировали учебного заведения.

Позднейшими историками была выдвинута гипотеза, что учился он в Славяно-греко-латинской академии [14].

Понадобилось провести обследование всех известных архивов и фондов, где могли храниться документы об учениках Славяно-греко-латинской академии, и организаций, финансировавших ее [15]. Теперь можно с уверенностью сказать, что в этом учебном заведении Ф.Г.Волков не учился (и в силу многих особенностей его устава, учиться не мог).

Остается предположить, что Ф.Г.Волков состоял «в науках» не в учебном заведении, а в частной конторе или на фабрике, или у мастера; упоминания о подобных «учениках» встречаются довольно часто в многочисленных архивных

делах XVIII в. (например: в Москве у аптекаря Ивана Ивановича Прейса «имеются в научении немецкого языка разные малолетняя русские» [16]. У кого именно находился «в науках» Федор Волков, может быть, когда-нибудь и откроется: существуют архивные дела, где фиксировались «приезжавшие в Москву» и «пущенные» жить в частные дома «в наем», «по свойству», «для услужения», в том числе и «для научения», но которые требуют реставрации и исследователям не выдаются. Может быть, настанет такое время, когда их реставрируют и историки смогут в них найти ценнейшие сведения о Ф.Г.Волкове.

В этой связи хотелось бы еще выяснить, у кого из родственников мог жить в Москве мальчик Волков — ведь в 1741 г. ему было всего 12 лет (кстати, это был именно тот возраст, когда в XVIII в. кончалось домашнее образование; так дворян-недорослей, привозимых «на смотры», отпускали до 12 лет обучаться на дому). Среди московского купечества этого времени встречаются и Волковы, и Полушкины [17], и может быть, в дальнейшем удастся установить их родственные связи с Ф.Г.Волковым.

Существенным является то, что Федор Волков как актер сформировался в древней столице. Нам удалось выявить новый обширный документальный материал именно о московском «театральном контексте» 1740-х — 1750-х гг., с которым непосредственно соприкасался юноша Федор Волков.

Во-первых, это сведения о деятельности так называемой Немецкой комедии — профессиональном «вольном» городском театре, начавшем функционировать в Москве с 1742 г. [18], чьи спектакли пользовались огромной популярностью у русской публики, особенно на протяжении 1740-х гг.

Во-вторых, это документальные свидетельства о деятельности московских любительских театральных трупп, так называемых охотников [19], которые вступали с актерами Немецкой комедии в тесный профессиональный контакт вплоть до аренды ими театрального здания «немецкого комедиального дома» (с декорациями, реквизитом и, вероятно, костюмами).

Несомненной удачей явилось открытие подлинных немецких пьес, написанных руководителями Немецкой комедии [20]. Две из них принадлежат перу И.Х.Зигмунда (бывшего директора немецкого театра с 1742 по 1747 г.) и две — И.П.Гильфердингу, возглавившему труппу после смерти первого. Ценность этих драматических произведений (кроме всего прочего) в том, что они написаны и играны в России: в Москве и Петербурге с 1744 по 1750 г. (т.е. тогда, когда их мог видеть и, бесспорно, видел Ф.Г.Волков).

Исследование текстов этих пьес позволило выявить типологическую общность их с «Российскими комедиями», составлявшими основу репертуара русских любительских трупп «охотников» той поры. Присовокупив документальные подробности о существовании Немецкой комедии в Москве в 1740-е гг., можно с уверенностью утверждать, что немецкий театр, функционировавший тогда в России, имел лицо, которое отличалось от немецкого театра, существовавшего в своем отечестве; испытывая сильное воздействие русского зрителя, он приспособлял свои представления во многом к его вкусам и требованиям, сделав этот театр в определенный исторический момент для русской публики не только интересным, но даже и необходимым, особенно для русских начинающих актеров. Ф.Г.Волков был всему этому непосредственный свидетель, а может быть, и участник (тем более, что оба его биографа подчеркивали

отличное знание им немецкого языка).

Ученичество Ф.Волкова в Москве закончилось в 1748 г., вероятно, из-за того, что умер его отчим. В делах Ростовской Консистории удалось найти подлинную метрическую запись об этом: «Книга Ростовской Епархии града Ярославля церкви Николая Чудотворца, что словет на деине <...> 1748 году <...>. Часть третья о умерших: <...> В апреле, 22-го. Ярославец посажкой Федор Васильев Полушкин» [21]. Но после этого Федор еще наезжал в Москву. Прошло чуть больше года, как скончалась мать, о чем свидетельствует метрическая запись, обнаруженная нами в Книге той же церкви за 1749 год: «<...> Часть третья о умерших: <...> В июне, 6-го. Ярославских серных и купоросных заводов содержателя Федора да Алексея Григорьевых детей Волковых мать их вдова Матрона Яковлева» [22].

Ф.Г.Волков остался в семье за старшего, стал хозяином и заводов, и своей судьбы; именно тогда (в конце 1749 г., когда кончился семейный траур) он смог дать волю своим театральным пристрастиям: употребляя собственный капитал по личному усмотрению и привлекая младших братьев, Федор организовал театральную труппу.

1749 г. вообще знаменательный для формирующегося русского театра и для Ф.Г.Волкова. Московские «охотники» вступили в новую фазу своей деятельности — полупрофессиональную (они публично заявили властям о своем желании играть на святки «Русские комедии» и получили официальное на то разрешение). Среди участников и руководителей московских «охотников» были представители и купеческого сословия.

В тот же 1749 г. в Петербурге была представлена любителями-кадетами первая русская трагедия, написанная воспитанником Кадетского корпуса А.П.Сумароковым (это знаменовало слияние родившейся русской драматургии с любительским актерским искусством), что несомненно имело резонанс и среди актеров трупп «охотников».

В этом же 1749 г. и Федор Волков организовал в Ярославле театральную труппу; хотя до недавнего времени историки полагали годом основания Волковского театра 1750 г., причем считали его первым русским профессиональным театром, т.е. открытым до того, как национальный театр был официально учрежден в Петербурге в 1756 г. Единственным известным документом и до сего времени является найденная в начале XX в. в Ярославской Провинциальной канцелярии «Челобитная» [23] Е.Холщевникова на бесчинства «фабрики содержателя Григория Гурьева с фабричками», которые избивали людей, «идуших с комедии», происходившей в Ярославле в доме купца Серова. Челобитная эта датирована началом января 1750 г.

Предшествующие историки считали, что Ярославская труппа под руководством Ф.Г.Волкова прошла два этапа: любительский и профессиональный. Теперь же на основании всех известных нам документов можно с уверенностью сказать, что волковская труппа была совершенно идентична московским городским партикулярным труппам «охотников» и прошла такие же два этапа: первоначальный, «ранний» — любительский (характеризующийся бессистемностью, эпизодичностью, случайностью во всех моментах деятельности, и, главное, тем, что спектакли игрались в случайном и необорудованном специально для этого помещении); и второй этап, «зрелый» — полупрофес-

сиональный (начало которого мы можем датировать декабрем 1749 г.; «полу» — потому, что основная профессия или род занятий у всех участников этих трупп были еще не театральные, и собственно спектакли давали они эпизодически, в свободное от основной работы время).

Подтверждение того, что Волковская труппа являлась полупрофессиональной даже на пике своей деятельности, можно найти в Указе императрицы Елизаветы Петровны от 3 января 1752 г., которым ярославцы вызывались в Петербург (рис. 2). В нем поименованы 11 человек — члены труппы, которые не названы ни «актерами», ни «комедиантами», но напротив, у всех них обозначены должность и место службы, ремесло или род занятий и сам Ф. Волков назван «ярославским купцом», а не «медиатором» (руководителем) или директором труппы [24], что лишний раз доказывает: Волковская труппа вписывается в общий контекст существования русских городских трупп «охотников».

Умалает ли этот вывод личность и заслуги Ф. Г. Волкова перед русским театром и культурой вообще? Нисколько! Наоборот. Многие историки пытались дать ответ на главный вопрос творческой судьбы Ф. Г. Волкова: был ли он явлением исключительным и уникальным для той эпохи (т.е. неизвестно откуда и почему взявшимся), или же он стал выдающимся явлением именно своего времени? Мнения историков были разбросаны от утверждения значительной роли иностранных трупп и артистов в образовании Волкова-актера (у кого-то — итальянских, у кого-то — немецких) до высказывания

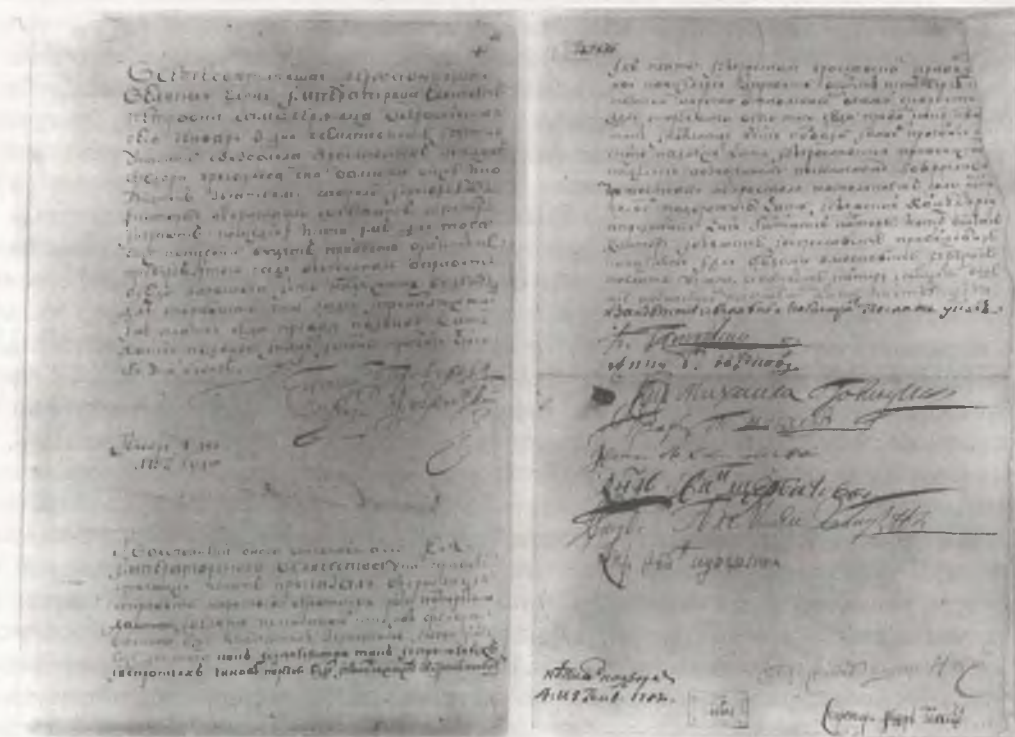

Рис. 2. Указ императрицы Елизаветы Петровны о вывозе ярославцев от 3 января 1752 г. и определение Сената

Рис. 3. Фронтиспис 1-го издания трагедии Сумарокова «Хореев» (1747 г.)

мысли об абсолютной самобытности и независимости его таланта (как национального самородка, опиравшегося только на «проявление самобытного инстинкта» [25] (рис. 3).

Располагая достаточным арсеналом документальных данных, прежде всего, о театральном и культурном контексте, в котором формировался «первый русский актер», можно утверждать, что благодаря своим талантам Ф.Г.Волков смог впитать и синтезировать то, что было до него раздроблено, разобщено, расслоено, и стал выдающимся «результатом» своего времени, его художественных и культурных процессов.

Литература

1. Старикова Л.М. Новые документы о первых русских актерах братьях Ф. и Гр. Волковых // Памятники культуры. Новые открытия. 1981. Л., 1983. С. 171—181; Ее же. Первая труппа русского профессионального театра // Вопросы театра. 1987. № 11. С. 273—283; Ее же. К проблеме фактологического изучения русского театра XVIII века // Старинные театры России XVIII — первая четверть XIX в.: Сб. научных трудов ГЦТМ им. А.А.Бахрушина. М., 1993. С. 92—113; Ее же. Снова о Федоре Волкове // Театр. 1989. № 2. С. 76—88.

2. Новиков Н.И. Опыт исторического словаря о русских писателях из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий. СПб., 1772. С. 32—44. Цит. по: Ф.Г.Волков и русский театр его времени. М., 1953. С. 205—208.
3. Ф.Г.Волков и русский театр его времени. С. 53—56.
4. Маштафаров А. Когда родился Ф.Г.Волков? // Литературная Россия. 1978. 24 февраля.
5. ГАЯОР. Ф. 197. Оп. 1. Т. 1. Д. 290. Л. 12.
6. Там же. Д. 711. Л. 1об.
7. ГАКО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 204. Л. 1, 2.
8. Там же. Л.3.
9. Новиков Н.И. Указ. соч. С. 205.
10. Stahlin J. Zur Geschichte des Theaters in Russland // Haigoldrs. Beylagen zum Neuvergdnderten Russland. Riga. Mitau. 1769. Bd. I. S. 399. Цитируется по русскому переводу, опубликованному в издании: Театральная жизнь России в эпоху Анны Иоанновны. Документальная хроника 1730—1740 / Сост. Л.М.Старикова. М., 1996. С. 591.
11. Санкт-Петербургские ведомости. СПб., 1748. № 64. С. 500.
12. РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Д. 1089. Л. 43; Д. 1638. Л. 616.
13. Энциклопедический лексикон. СПб., 1838. Т. II. С. 353.
14. Ф.Г.Волков и русский театр его времени. С. 62.
15. РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. Д. 2, 3, 4, 212, 332. Ф. 390. Оп. 1. Ч. 1. Д. 5285, 5387. Оп. 1. Ч. 2. Д. 7308, 7353, 7626, 8540, 8615, 9965. Оп. 2. Д. 70. Ф. 280. Оп. 5. Д. 77, 90, 141. РГБ. РО. Ф. 277.
16. РГАДА. Ф. 931. Оп. 3. Д. 81. Л. 161.
17. Там же. Д. 465. Л. 50 об. Д. 300. Л. 120.
18. Старикова Л.М. Театрально-зрелищная жизнь Москвы в середине XVIII века // ПКНО. 1986. М., 1987. С. 133—188. Театральная жизнь России в эпоху Елизаветы Петровны. Документальная хроника 1741—1750 / Сост. Л.М.Старикова. М., 2003. Вып. 2. Ч. I. С. 33—39, 665—722.
19. Старикова Л.М. Театрально-зрелищная жизнь Москвы... С. 133—138. Театральная жизнь России в эпоху Елизаветы Петровны... С. 42—46, 813—826.
20. Театральная жизнь России в эпоху Елизаветы Петровны. Документальная хроника 1741—1750 / Сост. Л.М.Старикова. М., 2005. Вып. 2. Ч. II (в печати).
21. ГАЯОР. Ф. 197. Оп. 1. Т. 1. Д. 1048. Л. 14.
22. Там же. Д. 1136. Л. 21 об.
23. Ф.Г.Волков и русский театр его времени. С. 72—73.
26. Там же. С. 86.
25. Филиппов В.А. Великий русский самородок // Театральный альманах. М., 1946. Кн. 1. С. 173.